

Дара Вейн

Охота начинается

Дара Вейн

Охота начинается

«Автор»

2026

Вейн Д.

Охота начинается / Д. Вейн — «Автор», 2026

Строительный бизнесмен Андрей Лавров живёт с женой Мариной в квартире за пять миллионов — и в тишине, которая стоит дороже. Семь лет назад он сказал «не сейчас», и Марина сделала аборт. Потом — осложнения, детей больше не будет. Вина цементирует брак, любовь давно мертва, но уйти он не может. Появляется Кира — молодой архитектор с кошкой по имени Фундамент. Марина узнаёт, нанимает киллера — и охота начинается.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

Охота начинается

ОХОТА

Психологический триллер

Дара Вейн

Глава 1

Квартира без звука

Андрей Лавров проснулся в шесть семнадцать — не от будильника, от тишины. Тишина в их квартире с Мариной стояла плотная, как вата, и он уже не помнил, когда было иначе. Сначала тишина была неловкая, потом привычная, потом — бетонная.

Марина спала спиной к нему. Плед натянут до ушей. Между ними — сорок сантиметров матраса и семь лет того, что не говорится вслух.

Он встал, прошёл по тёмному коридору мимо комнаты, которая когда-то должна была стать детской. Теперь там — шкаф с зимними вещами и велотренажёр, на котором никто не ездит.

На кухне он включил свет и увидел на столе записку. Марина писала записки вместо разговоров — уже года три.

— Купи хлеб. Без корки. М.

Он положил записку обратно. Хлеб без корки. Семь лет назад он сказал «не сейчас» — и это было последнее, что он решал в их браке по-настоящему.

В ванной — зеркало. Лицо сорока трёх лет, без катастроф, но без радости. Глаза человека, который привык.

Телефон завибрировал. Сообщение от Игоря — партнёра по бизнесу:

— Совещание в 9. Не опаздывай. Объект на Тверской горит.

Андрей набрал: «Буду». И ещё — стёр. Потому что хотел написать: «Не хочу». Но не написал. Как всегда.

Глава 2

Тот самый разговор

Семь лет назад. Квартира ещё пахла краской — только что переехали. Марина сидела на кухне, руки на животе, и смотрела так, что он понял всё до того, как она открыла рот.

— Андрей. Я беременна.

— Что?

— Восемь недель. Была у врача вчера.

Молчание. Чайник на плите начинает гудеть.

— Марин, мы же говорили — не сейчас. Объект ещё не сдан. Кредит.

— Объект не сдан уже два года. Кредит не закроется никогда. Когда — сейчас?

— Ещё полгода. Год. Я вытяну компанию, и — всё. Пожалуйста.

— Пожалуйста — это что? Тебе решать, а мне — терпеть?

— Нам обоим. Давай подождём.

— Мне тридцать два, Андрей. Через год — тридцать три. Ты знаешь, что врачи говорят.

— Я знаю. И я прошу. Подожди.

Она не ответила. Встала, вышла из кухни. Через два дня записка на столе:

— Сделала. Не спрашивай. М.

Он не спросил. Не позвонил. Не обнял. Поехал на объект. Через месяц — осложнения, повторная чистка, воспаление. Потом — ещё. Потом — приговор, который врач произнёс без паузы: «Детородная функция утрачена».

Андрей сидел в коридоре больницы и думал: это я. Это я сказал «не сейчас». И она молча пошла и сделала — без ультиматумов, без сцен. И теперь между ними не сорок сантиметров матраса, а вся эта история, которую нельзя выговорить, потому что любое слово — либо обвинение, либо оправдание, и оба звучат одинаково мерзко.

Он никогда не спросил: ты хотела этого ребёнка? Она никогда не сказала: я сделала это, потому что ты не дал мне выбора. Они просто молчали. Сначала — из вины. Потом — из привычки. Потом — потому что разучились.

Глава 3

Кира

Объект на Тверской — бизнес-центр «Меридиан», двенадцать этажей стекла и бетона. Андрей приехал к девяти, совещание — к девяти тридцати. В переговорной — Игорь, прораб Саньч, и женщина, которую он раньше не видел.

Кира Лебедева. Двадцать шесть лет. Архитектор. Тёмные волосы, собранные в хвост. Карандаш за ухом — не для вида, а потому что вечно теряла. Куртка с пятном от кофе на рукаве. Кроссовки — на строительную площадку, не на переговоры. Но глаза — такие, что Игорь два раза переспросил то, что и так понял.

— Кира — наш новый архитектор. Перевелась из Нижнего. Будет вести «Меридиан» до сдачи.

— Добрались нормально?

— Да. Только чемодан потеряли в Казани. И кота недосчиталась — сиделка уронила.

— Кота?

— Фундамент. Серый. Плохо переносит переезды. Хорошо переносит драму.

Саньч хмыкнул. Игорь посмотрел на Андрея. Андрей не заметил взгляда — он смотрел, как Кира раскладывает чертежи, и думал, что у неё смешные пальцы: длинные, с обгрызенными ногтями и одним кольцом на мизинце — не золотое, не серебряное, а какое-то медное, выпуклое, со змейкой.

После совещания он задержался — якобы проверить график. На самом деле — просто.

— Кира, вам помочь с чем-нибудь? Город, квартира?

— Спасибо, я сама. Только — где нормальный кофе? Не из автомата.

— На Покровке — кофейня. «Бариста». Рядом с книжным.

— Вы уже определили меня по кофейне. Это диагноз?

— Это — я тоже не пью из автомата.

Она засмеялась. Он не помнил, когда в последний раз кто-то смеялся рядом с ним — не вежливо, не для приличия, а просто так.

Глава 4

Латте и змейка

Через три недели Кира позвала его в ту кофейню на Покровке. Не свидание — «обсудить фасад». Фасад обсуждался четыре минуты. Остальные полтора часа — обо всём.

— Почему стройка? Вы же вроде экономист.

— Отец был прораб. Я думал, пойдём дальше. Он — руки, я — головы. Получилось наоборот: я — руки, а голова у меня не очень.

— Скромно.

— Честно. А вы — почему архитектура?

— Потому что в детстве строила домики из книг. Из энциклопедий — стены, из тонких — крышу. Мама ругалась: «Книги — читать, не строить». А я думала: а что если строить так, чтобы жить хотелось?

— И как — получается?

— Строится — отлично. Жить — пока не пробовала.

Он посмотрел на её кольцо. Медная змейка, обвивающая мизинец.

— Что за кольцо?

— Бабушкино. Она говорила: змея — не зло, змея — это когда что-то одно переходит в другое. Без шва.

— Поэтично.

— Она была учительницей литературы. Всё — поэтично, даже счета за коммуналку.

Он засмеялся. И поймал себя на том, что — второй раз за вечер. И что кофе остыл, а он не заметил.

На выходе она сказала:

— Андрей. У вас кольцо.

Молчание.

— Да.

— Я просто — чтобы понятно.

— Понятно.

— Вот и всё, значит.

— Вот и всё.

Она пошла в сторону метро. Он — в другую. На полпути остановился и посмотрел ей вслед. Она не обернулась.

Глава 5

Зимняя ночь

Декабрь. Объект горел — то есть горел в хорошем смысле: сроки сдвинулись, фасад утвердили, Кира работала по ночам, он — рядом. В девять вечера офис пустел, оставались двое — и чертежи, и тишина, которая была другой. Не бетонной. Живой.

Тот вечер. Минус восемнадцать. Кира работала за ноутбуком, Андрей смотрел смету. Чай остывал у обоих.

— Андрей.

— Да.

— Мы что — делаем?

— Работаем.

— Нет. Вот это — что?

Молчание. Чайник на кухне гудит — далеко, как в другой жизни.

— Не знаю.

— Я не хочу быть той, которая ждёт, пока вы решите.

— Я не прошу вас ждать.

— Вы не просите. Но я сижу здесь в девять вечера. И мне — хорошо. И это страшно.

Он встал. Подошёл. Положил руку на её плечо — просто руку, без поцелуя, без слова. Она накрыла его ладонь своей.

И это было больше, чем всё, что было между ним и Мариной за семь лет.

В полночь он позвонил Марине:

— Маш, я задержусь. Объект.

— Хорошо.

— Не жди.

— Я и не жду.

И повесил трубку. И не ушёл. Остался — с Кирой, в пустом офисе, под гудящий чайник и свет мониторов. И впервые за семь лет тишина была не бетонной, а — тёплой.

Глава 6

Двойная жизнь

Январь. Февраль. Март. Андрей жил на два адреса — и на два времени. С Кирой — с пяти до семи, потом — домой. Иногда — ночь у неё, и тогда Марине: «Командировка в Казань». Из Казани возвращался без сувениров. Марина не спрашивала.

С Кирой было просто. Не легко — просто. Она не спрашивала «когда ты уйдёшь», не считала дни, не плакала. Один раз — только — сказала:

— Я знаю, что ты не уйдёшь. И ты знаешь. Давай просто — будем.

— Ты так можешь?

— Нет. Но притворюсь.

Он целовал ей лоб и думал: я делаю то же, что делал с Мариной — молчу. Только здесь молчание не ватное, а горячее. И от этого — страшнее.

Кира жила в однушке на Чистых прудах. Кот Фундамент — серый, толстый — спал на чертежах. Книги — везде, на полу, на подоконнике, в ванной. Андрей привык к порядку, к Марининым запискам, к шкафу с зимними вещами в бывшей детской. Здесь — хаос, кофе на скатерти, карандаши в кружке, и он не хотел уходить.

Однажды вечером — март, талый снег, капель — Кира сказала:

— Я беременна.

Он сел на стул. Потом встал. Потом сел снова.

— Что?

— Шесть недель. Была у врача вчера.

Молчание. Те же слова. Та же кухня. Другая женщина. Другой он.

— Кира...

— Не говори «не сейчас». Пожалуйста.

Он не сказал.

Глава 7

Записки на холодильнике

Марина заметила не сразу — или делала вид, что не замечала. Третий год их брака существовал в формате записок: «Купи хлеб», «Стирка в машинке», «Уезжаю к маме на выходные». Но весной записки изменились.

— Ты стал позже приходить. Если голоден — в духовке. М.

— Опять командировка? Позвони маме, она волнуется. М.

— Я постирала твою рубашку. Пятно от помады на воротнике. Не спрашиваю. М.

Последняя записка — про помаду — лежала на холодильнике три дня. Андрей прочитал, убрал в карман, выбросил в урну на улице. Марина не поднимала тему. Она вообще не поднимала темы — уже давно.

Но он стал замечать: Марина сидела в гостиной с телефоном, когда он приходил. Не читала, не смотрела — держала в руках и смотрела в стену. Однажды он увидел на экране — карту. Его маршрут от офиса. Геолокацию он не отключал — зачем, если «ничего не происходит».

Он отключил геолокацию. Марина не сказала ни слова. Но в тот вечер записка на холодильнике была другая:

— Если тебе нужно уйти — уйди. Не надо «не сейчас». М.

Он положил записку обратно и не ушёл. Потому что «не сейчас» — было его единственным словом. С Мариной — «не сейчас». С Кирой — «не сейчас». Со всей своей жизнью — «не сейчас».

Глава 8

Сантехник Володя

Марина не была душой. Она знала — не детали, но суть. Помада на воротнике, запах чужих духов, командировки без сувениров, телефон экраном вниз. Она знала так, как знают погоду за окном: не глядя на термометр, по сквозняку на затылке.

Она не плакала. Не орала. Не била тарелки. Она взяла телефон и набрала номер, который ей дали три года назад — на корпоративе у Андрея, от жены его партнёра, шёпотом, на кухне, между вторым и третьим бокалом: «Если что — звони. Решает всё. Дорого, но тихо». Женщина оставила визитку. Марина хранила её в кармане зимней куртки. Три года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.